

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44
P83

Художник Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Рудашевский, Евгений.

P83 Город Солнца : Кн. 4. Сердце мглы : [для ст. шк. возраста : 12+] / Евгений Рудашевский ; [худож. Маргарита Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2020. — 432 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-662-0

Перед вами — четвёртая, заключительная книга серии «Город Солнца». Серии, объединившей в себе детектив, семейную сагу и триллер. Еще семь месяцев назад студенты московского Политеха даже не подозревали, что отправятся в Индию, потом в Шри-Ланку, а затем пересекут океан и окажутся в Перу. Отчаянные странствия героев окончатся в дождевых лесах Латинской Америки. Максим и его друзья идут по следам экспедиции перуанского плантатора Карлоса дель Кампо и русского мануфактурщика Алексея Затрапезного, основавших в дебрях Амазонии легендарный Город Солнца. Именно здесь будет раскрыта величайшая тайна цивилизации чавин, которую оберегали столетиями избранные со всего света.

Евгений Рудашевский (родился в 1987 году) — лауреат множества премий, в том числе «Книгуру» и им. В. П. Крапивина. В 2017 году его книга «Ворон» была включена экспертами Международной мюнхенской юношеской библиотеки в список «Белые вороны». И такое признание не случайно: его стиль узнаваем, а темы близки современным подросткам и young adult. Визитными карточками автора уже стали повесть о взаимоотношениях человека и природы «Здравствуй, брат мой Бзоу!» и приключенческий роман «Солонго. Тайна пропавшей экспедиции». Тетралогия «Город Солнца» продолжает столь важную для автора тему взросления, поиска себя и своего предназначения.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-662-0 (Кн. 4)
ISBN 978-5-00083-531-9 (многотомник)

© Рудашевский Е. В., текст, 2020
© ООО «Издательский дом
«КомпасГид», 2020

In angello cum libello

Кто видел всю вселенную, кто постиг пламенные помыслы вселенной, не станет думать о человеке, о жалких его радостях и горестях, даже если он и есть тот самый человек.

Хорхе Луис Борхес

И эта ночь — конец твоей игры.
И не в неё ли, злую, как ненастье,
летит Земля сквозь сонные миры
игральной костью, брошенной на счастье, —
заиграна уже до круглоты,
летит, чтобы в последнее мгновенье
остановиться в недрах пустоты,
внезапной пустоты исчезновенья.

Сесар Вальехо

Глава первая. ЭКСПЕДИЦИЯ

Аня насторожённо смотрела вперёд. Не знала, чем вызвана очередная заминка. Индейцы в соседних лодках перешёптывались и сдержанно жестикулировали. Голоса звучали тихо, с опаской, так что не удавалось разобрать ни единого слова. Лодка, ненадёжно причаленная к намывному берегу, покачивалась. Аня едва сопротивлялась подступавшей дрёме — последние ночи выдались бессонными. Наяву Аню пугала недружелюбность джунглей, в грёзах преследовали кошмары. Ей снился окровавленный Корноухов. Снились убитые Джерри и Погосян. Наконец, снился Мадрид — тот день, когда Аня, умолчав об истинной причине своего возвращения, сообщила родителям о переезде в Москву.

Взревел мотор, и по ближайшим лодкам прошло оживление. В воздухе запахло бензином. Хорхе, сидевший на носу, с видимым облегчением оттолкнулся от берега. На днях он говорил, что диких индейцев в здешних местах нет, но прежде тут случались кровавые столкновения между враждующими племенами, и Хорхе советовал Ане не отбиваться от экспедиции.

Впереди плыли две плоскодонки — разведывали русло извилистого притока. Замыкали экспедиционную эскадру нагруженные поклажей баркасы, а между баркасами и плоскодонками нестройным рядом вытягивались ещё семь лодок: побольше, с подвесным мотором, и поменьше, с мотором-веслом, — на одной из таких уже восьмой день плыли Аня, Зои и Екатерина Васильевна.

Поначалу заминок не случалось — плёсы сменяли друг друга, берега по обе стороны лежали низкие, заросшие перистым подлеском и стройными мачтами пушечных деревьев. Но постепенно берег поднимался над водой всё выше, пока не превратился в череду обрывистых холмов, под которыми ютились сорные заводы и отмели.

Когда лодки скользнули в узкий приток, по сторонам и вовсе подступили мрачные многоярусные джунгли. Экспедиция угодила в заросли сальвинии. Её листочки, попарно сидевшие на подводных ветках, скопились в таком количестве, что издалека казались единым зелёным полотном. Щетинистые корни наматывались на гребной винт, и Тсовинки, подобно другим кормовым, вынужденно приподнимал над водой и встряхивал двухметровую штангу вала. Прикрытые растительностью коряги норовили пробить борт пиками отшлифованных ветвей — продвигаться приходилось ощупью. Хорхе и другие рулевые активно работали веслом, а обе плоскодонки шли зигзагами, выверая каждую пядь речного пути.

Берег по обе стороны проявлялся всё реже. Илистые отмели и яры красного песчаника остались позади, а приток превратился в аллею, обставленную густо сплетёнными кустарниками и деревьями. Кроны плакучих исполинов сомкнулись над головой тёмно-зелёным сводом, скребли ветвями по крыше баркасов, и экспедиция задохнулась в затаённой волглостью духоте. Аня с удивлением встречала стволы облезлых деревьев, росших посреди русла, — они, словно колонны, подпирали кровлю извилистого лабиринта, — а во время вынужденных остановок подмечала тишину, которую изредка нарушали икающие крики цепкохвостых коат. В подобной изоляции даже шум дождя, то и дело накатывавший на экспедицию, звучал глухо и отдалённо.

Ливни между тем участились, но экспедиция упрямо продиралась вперёд. На заросших участках с сильным встречным течением приходилось продвигаться по двадцатичетырёхрядному фалу — его крепили к дереву метра в сорока вверх по течению, после чего принимались хват за хватом подтягивать лодку. И каждые такие сорок метров выматывали индейцев до дрожи в руках. Экспедиция устраивала вынужденный отдых и, лишь добравшись до относительно чистых вод, наконец включала моторы и за каких-то двадцать минут покрывала расстояние, на руках пройденное за долгие шесть или семь часов.

Во время очередной заминки, когда Аня рассматривала уродливую поросль пресноводных губок, рядом причалила ещё одна лодка. Помимо трёх индейцев в ней сидели Дима и Никита Покачалов.

— Странно. Ведь Дельгадо писал и про горно-шахтенное оборудование, и про ртуть... — Дима заметил сестру и, недовольный, притих.

Они в последнее время почти не общались. Ночевали в разных частях лагеря, плыли в разных лодках, да и были приставлены к разным сопровождающим.

— Зачем Городу Солнца и его соляриям ртуть? — продолжил Дима, судорожно обхватив трость и лбом коснувшись её стальной ручки.

— Да, любопытно, — лениво протянул Покачалов. Развалившись на дне лодки и спиной упёршись в скамейку, он обтирал шею платком. Привычно выглядел взмыленным, утомлённым собственной потливостью. — Может, лечились ртутью.

— Лечились? — не понял Дима.

— Ну да. Тогда от жёлтой лихорадки прописывали кровопускание и каломель, то есть хлористую ртуть. Да и вообще, чуть что, советовали паровые ртутные ванны, втирали ртуть в язвы.

— Весело.

— А то.

Дима в последние дни сошёлся с Никитой. Непривычно было слышать, как они общаются почти на равных. Аня не забыла истерику, устроенную Покачаловым в новоарбатской «Изиде», и не понимала, как он согласился лететь в Перу. Впрочем, его согласия никто не спрашивал. В экспедиции собрались многие из тех, кто имел отношение к Шустову-старшему.

— Артуро думает, ртуть в Городе Солнца указывает на золото или серебро. — Дима старался говорить тише, словно не желая, чтобы Аня, Зои и Екатерина Васильевна слышали его слова.

— Ну да... — кивнул Покачалов. — Он вообще много говорит. Золото... А может, и золото.

— А при чём тут ртуть? — поинтересовалась Зои.

Никита отмахнулся влажным платком, всем видом показывая, что не собирается отвечать. Вместо него ответил Дима:

— Если золото мелкое, если... В общем, когда золото не получается промыть обычным способом, в него добавляют ртуть. Она притягивает золотой песок, скатывается с ним в единую массу, а весь мусор отталкивает.

— Ртуть его в себе растворяет?

— Ну... да.

— Что *да*? — не сдержался Покачалов. — Ничего она не растворяет. Ртуть смачивает золото. И получается амальгама.

— Потом ртуть выпаривают, — поспешил добавить Дима. Где он этого понабрался? — Ртуть испаряется, а чистое золото остаётся.

— Ну, не совсем чистое, но да, остаётся, — кивнул Покачалов. — И чем дольше им любуешься, тем больше у тебя изо рта вытекает слюны.

— Заодно от радости выпадают зубы, волосы и начинают дрожать руки.

— И откашливается гной. Тоже от радости.

Дима, довольный таким перечислением, усмехнулся.

Вскоре выяснилось, что сразу двум лодкам пробило дно. Пришлось вытащить их на красноглинистую отмель и там торопливо латать, заодно заменяя повреждённый винт одной из лодок с подвесным мотором. Все понимали, что с каждым днём поломок будет больше.

— А чавин? — спросил Дима. — Ртуть как-то связана с цивилизацией чавин и с их «величайшей тайной»?

— *Величайшая тайна*, — буркнул Покачалов. — У Шустова, куда ни плюнь, везде *mysterium tremendum*.

— Значит, нет?

— Нет. Хотя... Не знаю.

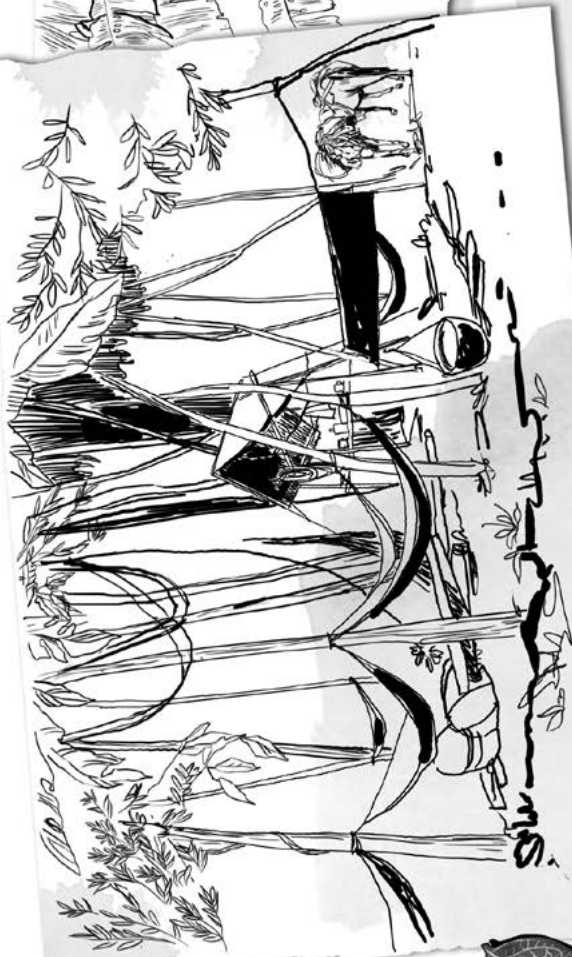
— Артуро говорит, ртуть у чавинцев была. Собственно, ничего сложного, — Дима обращался к Зои. — Они добывали киноварь, потом раскаляли её в печах, пока из трещин не начинала стекать чистая ртуть.

— Как у тебя просто, — усмехнулся Покачалов. — А главное, всё *чистое*. И золото, и ртуть. Ну добывали они ртуть, и дальше что?

— Вот и я об этом спрашиваю. Пытаюсь увязать факты. Что, если ртуть для Города Солнца указывает не на золото или серебро, а на что-то, связанное с чавин?

Ответа Дима не дождался. Взревели моторы баркасов.

К концу дня экспедиция упёрлась в порожистый, растянутый на болотистые поймы участок, одолеть который не помогли бы ни фалы,

Джунгли оказались
не такими уж

гиблыми.

Путь
утомительный,

но интересный.

ни попытки провести лодки волоком по берегу. Егоров дал команду готовиться к пешему походу. Экспедиция покидала затхлый уют извилистого русла.

Оба баркаса и пять лодок индейцы завели в заводь, где накрепко причалили их канатами. Обе плоскодонки и две малые лодки, с которых сняли моторы, решено было нести с собой наравне с прочими тюками, а при случае использовать для разведки или переправы через строптивые речки.

Вечером Аня сидела на перетянутых брезентом деревянных ящиках с провизией. Молча следила за суетившимися индейцами. Гадала, как долго продлится их путешествие и чем оно закончится. Тайны, связанные с Городом Солнца, Аню давно не интересовали. Она бы запросто согласилась оставить их в прошлом, согласилась бы так никогда и не узнать участь Шустова-старшего и тайны Затрапезного с его другом-плантатором дель Кампо. Только бы вернуться в Москву, обнять маму — сразу, с порога, не позволив ей снять синий, пахнущий выпечкой фартук. Вместе с ней отправиться в загородный дом и, о чём давно мечтала мама, провести там целый месяц, ухаживая за её цветущим садом, за её гортензиями, туями и барбарисами. Хотя какие в конце октября гортензии...

— Ты как? — Сидевшая рядом Зои положила голову Ане на плечо. Стала неспешно вести пальцем по радужным нитям её плетёного браслета.

— Не думала, что встретимся так скоро? — невпопад спросила Аня.

— Думала.

— Но рассчитывала на шезлонги и песчаные пляжи Гоа?

— В точку, — улыбнулась Зои. — А лучше без шезлонгов.

— Да... Хорошее у нас *приключеньице*?

— Точно. — Зои теснее прижалась к Ане, словно надеясь на время спрятаться от шума готовящегося перехода.

Вздохнув, Аня огляделась в поисках Димы. Хотела убедиться, что у брата всё в порядке. Скользнула взглядом по противоположному берегу, где под навесом растительности прятались покинутые баркасы, а в следующее мгновение вздрогнула.

— Ты чего? — Зои подняла голову.

Аня не ответила. Смотрела в паутину серых, задрапированных лианами стволов. На одной из веток противоположного берега выделялось ярко-белое пятно. Цапля. Совсем небольшая, едва ли полметра в высоту. Поджав правую лапу и втянув голову в крылья так, что изогнутая шея превратилась в петлю, она стояла неподвижно, то ли готовясь к охоте, то ли отдыхая после рыбного перекуса. Однако цапля Аню не интересовала. Ещё глубже в плотной чащобе она уловила силуэт человека. Обман зрения. Мимолётное видение. Но до того чёткое, оформленное.

— Думаешь, там кто-то есть? — прошептала Зои.

Аня, испугавшись её пронизательности, неуверенно пожала плечами.

— Я давно замечаю, — сказала Зои. — Если долго всматриваться.

— Если долго всматриваться, можно многое увидеть, — попыталась отшутиться Аня.

— Нет. Тут другое. Пока все занимаются лодками, лагерем и... остальным, я... Иногда смотрю в джунгли. Исподтишка. Притворяюсь, что задремала или задумалась, а сама смотрю.

— И видишь кого-то?

— Нет. Только силуэты. Промелькнут и исчезнут.

— Силуэты?

— Да. Иногда несколько.

— Думаешь, это Максим?

Безумная мысль, но Аня и раньше, в нижнем лагере под Икитосом, порой позволяла себе обмануться, угадывая его абрис где-то в стороне и представляя, как он ищет случая спасти их с братом, Екатериной Васильевной и тогда ещё живым Павлом Владимировичем.

Зои не ответила. Они с Аней, не сговариваясь, долго смотрели на противоположный берег. Но больше ничего не замечали.